

«Мой любимый кинофильм»

«Солярис», в моем понимании, вообще не относится к ряду объектов, к которым применимо обозначение «любимый». Любимым может быть сорт кофе, баскетбольный клуб «Жальгирис» или, скажем, турецкий ковер, но если речь идет о «Солярисе», то уместно будет сменить вектор, поскольку эта картина в сути своей является попыткой наладить контакт не столько с внеземными цивилизациями, сколько с нашими собственными теневыми сторонами - из-за этой особенности «Солярис» воспринимается мною всем сразу – и мудрой притчей, и безусловным шедевром кинематографа, и диалогом с совестью (читай «диалогом с Богом»). Тарковский, конечно, переиначивает сюжет романа Станислава Лема, иначе расставляет акценты – его взгляд обращен не с Земли в космос, а из космоса на Землю – однако как по мне, такая интерпретация текста дает ему больше вариантов для раскрытия, нежели посыл «первоисточника». Андрей Арсеньевич проводит совершенно уникальную параллель между ключевыми образами: в воспоминаниях Криса о Земле неизбежно присутствует родительский дом и Мать (в книге, кстати, о земной жизни доктора Кельвина ни слова не написано). Во время бредового состояния главного героя мы видим еще одно занимательно переплетение – на этот раз сливаются воедино уже Мать и Хари, как бы подменяя друг друга на станции и в сознании самого Криса. А если смотреть еще более внимательно, можно также обнаружить поведенческие связи между матерью Кельвина и его женой: схожее интонирование, схожая манера подачи информации, схожее положение тела и головы при разговоре (голова под наклоном, взгляд направлен вниз, плечи расслаблены, фигура в целом сутуловата) – эти проявления, конечно, неочевидны, однако вполне воспринимаемы зрителем на подсознательном уровне. Кинофильмы Тарковского в принципе не стоит «смотреть» сознанием – они больше похожи на сновидения, воспоминания, на тонкую систему метафор, иногда от слова совсем не поддающуюся жесткому структурированию – и для меня наиболее красочным и выразительным в

этом отношении получился именно «Солярис». Андрей Арсеньевич вновь обзирает Человека – и вновь поворачивает его лицом к Богу, заставляя, таким образом, еще и устремиться внутрь самого себя. Ведь что, в сущности, есть такие взаимоотношения Криса и его фантома? Возобновления связи с уснувшей (скорее даже заглушенной) совестью, которая внезапно просыпается и начинает бить по самым уязвимым местам, подкидывая Кельвину образ человека, к чьей смерти он пусть и косвенно, однако приложил руку. Иными словами, Хари в контексте фильма можно рассматривать не только как отдельную личность (хотя процесс ее очеловечивания и монолог в библиотеке определенно достойны освещения), но и как явление Совести, чистой и непорочной, именно такой, какой она и должна быть.

Вообще, и поставлены, и отыграны эти взаимоотношения на высшем уровне – хрупкая, невесомая Бондарчук и «земной», слегка потерянный в космическом пространстве Банионис образуют потрясающий тандем, которому веришь и который чувствуешь. Каждая сцена их взаимодействия дает мне, как зрителю, мощнейшие импульсы, не поддающиеся никаким описаниям – это трепет, это спертое дыхание, это холодок по спине... Сердце перестает биться на первой же сцене с участием Натальи Сергеевны – казалось бы, Тарковский показывает нам только уголок лица, даже не полностью освещенный, а какую волну эмоций он может подарить! Что уж говорить о сцене воскрешения! – даже при повторных просмотрах тело буквально трясет, становится пронзительно, по-родственному жаль как саму Хари, так и исполнительницу роли (неизвестно, что она испытывала, вращаясь в этом моменте сюжета, но это явно было нечто сокрушительной силы). А если рассматривать эту сцену чуть шире, захватывая короткую, но очень контрастную реплику Снаута («Жуткое зрелище... Никак не могу привыкнуть ко всем этим... воскрешениям...»), то только одной этой композицией можно выразить универсальный закон жизни – она течет. Она течет неумолимо, никогда не останавливаясь. И пока Крис переживает

критический момент своего бытия, Снаут, лаконично выражая сочувствие, просто уходит – его это воскрешение не касается. Оно вообще никого не касается, кроме Криса и Хари – космическая станция, где так много земного (картины, иконы («Троица» Рублева), мячик, библиотека, книги Сервантеса, растение в каюте Криса (которое все-таки проросло в конце фильма, что символично – жизненный цикл никогда не сворачивается, постоянно обновляясь)) существует так, как существовала. Аппаратура исправно работает, Сарториус исправно экспериментирует, Снаут исправно летит по коридору к своему «гостю» - как бы он чего не натворил – словом, все идет по плану. И только Крис и Хари вновь и вновь в страданиях обретают друг друга, что, в общем-то, тоже превратилось в план... А чуть поодаль от них стоит в джинсах и рубашке Андрей Арсеньевич Тарковский вместе со съемочной группой...

...и тоже, как всегда, посредством искусства пытается вступить в контакт с природой, Человеком и Богом. А, и, разумеется, руководит процессом съемок моего любимого кинофильма. Точнее, мастерит лестницу в небеса, на Солярис.

А как мы знаем, Тарковский – великий Мастер.